

НАША СТРАНА

Год издания — 36-ой, Буэнос Айрес, суббота 26 мая 1984 г.

'NUESTRO PAIS'

Buenos Aires, sabado 26 de mayo de 1984 No. 1765

МЫСЛИ ВСЛУХ

ГОСУДАРСТВО КАК СОБСТВЕННАЯ КОЖА

Если свобода зависит главным образом от приращенного человеческого естества, то и "аннулирование по материальным причинам одной (какой-нибудь) свободы не обязывает нас чувствовать себя ограниченными в нашем свободном состоянии". (Ортега и Гассет, "О римской империи", стр. 116).

От каких же условий зависит практическое осуществление в государственных рамках этой субстанциональной человеческой свободы? Ортега, на протяжении цитируемого труда, перечисляет эти условия: Законность, в согласии с "законами прошлого", без никаких привилегий для никого; политическая жизнь в рамках "предпочитаемых учреждений, какие бы они не были"; эти учреждения не должны быть навязаны обстановкой, но должны быть плодом собственного вдохновения; в свою очередь, это вдохновение не должно исходить "из формальных и абстрактных соображений, но... из глубины твердых верований, составляющих душу нации"; такое собственное политическое вдохновение может в отдельных аспектах "ориентироваться" на чужие примеры, но "в конечном итоге, должно создавать", а не подражать, так как "подражание в политике относится к общественной патологии"; в конечном итоге, политическая свобода предполагает наличие такого государства, которое воспринимается "как собственная кожа, а не как ортопедический аппарат".

"Не из чужого государства... нужно брать учреждения, но необходимо открыть их в глубине собственного существования, для того чтобы утверждать такую жизнь, которая была бы "свободой". С этой высоты ясно видны легкомыслие и несущественность "либерализма". Как будто бы свобода заключается всего лишь в прокламации на лету любых свобод для любой страны! "Жизнь как свобода" предполагает совершенную и текучую преемственность коллективного существования из глубины его верований и до самой кожи, то есть до государства, и от него, обратно, до нутра его веры". (там же, стр. 151)

Если согласиться в основном с этим философским и историческим анализом испанского философа, то тогда впрямь уже будет невозможно заниматься писанием абстрактных политических программ, одинаково годных (или вернее негодных) для любой страны. В нашем конкретном случае, нам нужна конкретная программа для нашей страны, и только для нее. Программа для разрешения наших проблем, в соответствии с коренными чаяниями нашего народа.

И. А.

История и легенды

Недавно издана действительно замечательная книга Е. Алферьева "Император Николай Второй как человек сильной воли". Тот же автор выпустил в 1974 году "Письма Царской Семьи из заточения".

Книга замечательна по двум причинам. Во-первых, автор ясно и отчетливо показал на целом ряде примеров, взятых из различных этапов жизни Государя Императора Николая Александровича его подлинный духовный облик, в который входили: редкое самообладание и сила воли. Е. Алферьев пишет о "широко распространенной легенде о слабости Государя Императора Николая Александровича" и затем показывает, что "... она совершенно не соответствует и прямо противоречит истине".

Эту "легенду", вернее — клевету, Е. Алферьев блестяще опровергает в своем документальном изложении. И вместо "слабовольного", "нерешительного" и "неудачного" правителя, со страниц книги выступает человек с большой силой воли и с чувством ответственности за свои решения, беззаветно любящий родину и преданный православной Церкви.

Вторая причина ценности этой книги заключается в том, что автор, вопреки сложившейся печальной практике, не боится говорить правду об исключительности нашей исторической государственности, о духовной красоте мировоззрения, основанного на православии и совсем особом восприятии мира, столь отличном от западного. Печальная же эта практика заключается в том, что люди, даже с монархическими убеждениями, боятся заявить об этом открыто, потому что, это может не понравиться лицам, приемлющим "февраль".

Читая книгу Е. Алферьева получаешь большое нравственное удовольствие от того, что, и как автор пишет о покойном Государе, мученике и страстотерпце Николае, о Святой Руси, о нашей святой

Церкви, о великом прошлом нашей родины.

В каждой фразе видна любовь и бережное отношение автора к истории небольшого московского княжества, объединившего Русскую Землю в могущественную державу. "Для этого требовалось полное напряжение всех народных сил. Русские люди служили своему государю и государству "от младых ногтей", то есть с юных лет, с 16-летнего возраста ("новости") до глубокой старости, "елика сил хевтит". Они служили с религиозным сознанием того, что их служба государству есть служение Богу, ибо сама государственная власть считала единственной целью своего существования служение Богу, Божией Правде и Божией Церкви. Русские люди той эпохи были убеждены в том, что они обязаны так самозабвенно, почти не имея личной жизни, служить Государю и своему государству, чтобы оградить свою страну от опасности захвата иноверцами или подчинения равнодушной к добру и злу государственной власти. Превыше всего, они считали своим долгом обеспечить себе и своему потомству возможность свободного исповедования святого Православия с соблюдением православных законов и обычаев. Никаких других, внецерковных, целей в государственной жизни наши предки того времени себе не ставили".

Вот уж действительно "особая статья", которой никогда не было у Запада!

Также трезво и правдиво автор книги оценивает деятельность Петра Первого. Появляется новое для Руси отношение к материальным ценностям в ущерб духовной жизни нации, о чем можно только пожалеть.

Чрезвычайно ценное наблюдение сделано автором по поводу значения и влияния прославления святых. Несомненным признаком процветания или, наоборот, падения духов-

ного уровня общества, народа, государства является наличие или отсутствие святых в том или ином периоде времени. В течение трехсот лет до 17-го века на Руси был прославлен великий сонм святых русского народа, с то время, как 17-й век оказался беден святыми. Еще менее благоприятным был век 18-й. Петр Первый упразднил патриаршество и этим был нанесен большой урон православной Церкви. Но уже в 19-ом веке наступает заметное оздоровление. За четыре царствования девятнадцатого столетия были прославлены семь святых.

За двадцать лет царствования Императора Николая Второго русская православная Церковь обогатилась целым рядом новых прославлений святых. В особенности значительным было прославление величайшего святого земли русской — Серафима Саровского.

В этом торжестве приняло участие многочисленное духовенство при огромном стечении паломников. Присутствие Государя и Царской Семьи, а также других членов Императорской Фамилии сделало это торжество исключительным по своему значению.

Саровские торжества закрепили связь Государя с народом. Государь был окружен несметным числом паломников, трогательно выражавших ему свою преданность. В дни прославления преподобного Серафима Саровского Государь и Государыня воочию убедились в том, что они составляют одно неразрывное целое с русским народом. В Саровской Пустыни раскрылась наяву поразительная духовная красота подлинной Святой Руси.

А теперь — несколько примеров самообладания и твердой воли Государя.

Он настоял, несмотря на возмущения своих царственных родителей, на выборе своей суженой в лице принцессы Алисы Гессен-Дармштадтской. Около шести лет продолжалась эта "борьба" и, наконец, Император Александр Третий уступил.

Государь имел мужество отрицательно ответить земским депутатам, которые в своем адресе упомянули о "народном представительстве". Государь был убежден, что наша самобытная государственность значительно более соответствует характеру страны и народа, чем западные представления о суверенитете народа. И как был прав Государь!

Государь настоял на созыве в 1899 году Гаагской Мирной Конференции для обеспечения всеобщего мира и ограничения вооружения. Но благородный призыв русского императора не встретил сочувствия на Западе.

Когда Государь получил предложение президента Т. Рузвельта о посредничестве для заключения мира с Японией, он поставил два условия — никакой контрибуции и ни пяди земли. Вопреки всем предположени-

В издательстве

Свято-Троицкого монастыря
вышла из печати новая книга:

Е. Е. АЛФЕРЬЕВЪ

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ П

какъ человекъ сильной воли.

Материалы для составления

Житія Св. Благочестивѣйшаго Царя-Мученика Николая
Великаго Страстотерпца.

Holy Trinity Monastery, P.O.Box 36, Jordanville, N.Y. 13361-0036

152 стр. Цѣна: \$8.00, съ пересылкой — \$9.00.

Книгопродавцамъ предоставляется обычная скидка.

ДОСАДНАЯ ОШИБКА

К величайшему сожалению в № 1764 "Нашей Страны" от 19 мая с. г. статья П. Н. Колтыпина на первой странице была подана под искаженным названием. Правильный заголовок: "Работать надо и тогда, когда дело кажется безнадёжным".

Японцы приняли условия Государя. Два раза Государь уклонялся от решений вызвать войну: в 1896 году и в 1912-ом. Возникновение Первой мировой войны нельзя было предотвратить, несмотря на отрицательное отношение к этому Государя. В этом всецело виновата Германия, которая захотела воспользоваться своим военным превосходством для своей политики "Drang nach Osten".

В самое критическое время поражения русских армий в 1915 году, Государь возложил на себя Верховное Командование вопреки воле своего правительства и общественного мнению. Как только Государь своим спокойным отношением к событиям обезвредил паническое настроение генералов, положение на фронте стало улучшаться.

Но все враги и Государя и нашей государственности, которая была "белым на глазу", как у "союзников" (отъявленных врагов России), так и у "нейтральных" (американские банкиры во главе с Шиффом) и у открытых врагов (германских милитаристов с неумным Вильгельмом Вторым), приняли все меры, чтобы не допустить победы России, которая к 1917 году собрала уже мощный кулак для весеннего наступления и сокрушения врага. Как и во Франции перед "великой революцией", когда началась травля Короля и Королевы, так и в России по почину Государственной Думы, которая была очагом антиправительственных выступлений, повсюду распространялись клеветнические измышления и грязные сплетни о Распутине, Вырубовой, Государыне, докторе Бадмаеве и других, вовлекая в этот водоворот и великосветские гостиные и общественные комитеты и другие места. Повсюду шла кропотливая подрывная работа врагов нашей исторической государственности. В заговор были вовлечены высшие военачальники во главе с генерал-адъютантами Алексеевым, Рузским, Великим Князем Николаем Николаевичем и другими.

Государь был окружен предателями.

Государь, вопреки всем невежественным и обывательским мнениям, не отрекся добровольно от Престола, а был заманен "в ловушку" — в штаб Северного Фронта, где командующий Северным Фронтом генерал Рузский в сговоре с Алексеевым, Родзянкой и Гучковым, а также с Великим Князем Николаем Николаевичем, ген. Брусиловым и другими, отменил повеление Государя о вывозе верных частей с фронта для подавления бунта в столице, и посмел сказать своему Императору — "решитесь!".

И есть еще невежественные, ничего не знающие жалкие обыватели, которые говорят, что "Государь отрекся, как полк сдал!"

В короткой статье трудно перечислить все достоинства этой чудесной книги. Рекомендуются она всем, кому интересно и дорого правдивое изложение событий роковых лет.

В. К.

ВЛАДИМИР РУДИНСКИЙ

ВЗАИМНЫЕ НЕДОПОНИМАНИЯ

Станным образом Л. Келер не различает между разными вещами: понимать не значит вовсе оправдывать; да и оправдывать не есть одобрять.

Оставим на миг в стороне надоевшую тему о пьянстве. Вот мы знаем, что Есенин покончил с собою, не в силах жить в большевистском мире; и что его смерть послужила сигналом для целой эпидемии самоубийств, преимущественно в среде комсомола.

Если для самого поэта действовало несколько иное, для этих юношей и девушек трагедией явилось разочарование в революции, которой они сперва поверили и которой в какой-то мере служили.

Смерть великого певца деревни, первого по силе тогда таланта в русской литературе, оставила в нашей культуре брешь, чувствуемую и до сих пор. Но, кто там как, а я и рядовым жертвам данной волны отчаяния горячо сочувствую; они являлись для России ценнейшим человеческим материалом.

Лучшие уходили из существования, уступая место самым худшим, тем бездушным карьеристам, готовым лгать и подлаживаться ко властям, из которых и составилась гнусный актив, свирепствовавший в эпоху раскулачивания, чисток и разгула террора.

Разумеется, не только бы я никому из них не стал советовать добровольную смерть, но и — будь такая возможность — каждого постарался бы удержать. Им бы надо было повернуть фронт и организовать сопротивление большевизму (хотя насколько это была тяжелая задача, я отлично сознаю). Но вот понимать и даже извинять их мотивы я могу; и осуждать их у меня ни язык, ни перо не повернутся.

Если меня г-жа Келер за сие упрекнет в призывах к самоубийству, то — по недоразумению. Как произошло и в вопросе о пьянстве.

Кстати, охотно верю, что она меня лично не подозревала в пристрастии к зеленому змию (не помню, чтобы сивуху, а самого и денатурат пить случалось, во время войны; но это было давно и в особых обстоятельствах).

Но ведь коль скоро я призываю к пьянству, иные из читателей не без основания предположат, что или же у меня свой завод спиртовых изделий либо, минимум, пакет акций в коньячной компании по экспорту в СССР (что никакой реальности не соответствует), или уж я сам пьяница и потому питаю симпатию к алкоголикам. Вот почему я и счел за благо от подобных подозрений заранее отгородиться. Сама же Келер идет гораздо дальше: речь шла о допустимости работы на большевиков, в она оправдывается в работе на американцев!

Такая работа, как и любая на

иностранцев, является, я думаю, трудом из-за куска хлеба, не имеющей политического значения и выполняемой в силу житейской необходимости. Тут и вопрос добросовестности становится не столько моральным, как сугубо практическим (хорошему служащему лучше и платят).

Что до чисто биографической стороны вопроса (на каковой я вовсе и не настаивал) она мне-таки несомненно ясна. Если Келер выехала из России ребенком (но в какой период?) и потом туда возвращалась лишь в качестве туристки, то она, естественно, не может знать тамошнего быта, как знаем мы, проводившие под советским гнетом долгие годы; да и самая оптика у нее, в результате, не вполне правильная.

Уже и заранее я предвидел, что моя уважаемая оппонентка сошлется на пример докторов, как на случай, когда нельзя работать плохо! Конечно, плохо лечить больного было бы прямым нарушением гиппократовой клятвы.

На деле, однако же, в СССР врач — такой же раб государства как и прочие. Если к нему обращается пациент, которому нехорошо, но который все же может держаться на ногах, — доктор великодушный и смелый даст ему освобождение от работы или оправдает его прогул как вынужденный (а ведь прогул вел одно время к тюремному заключению!), строго же верный режиму медик объявит его симулянт. Здесь-то и лежит разница между нечестной (но спасительной) работой на большевиков или честной (но бесчеловечной) на них же. А уж о том, что значило поведение врача в концлагерях, в страшные военные годы и т. д., я и разговор подымать не буду.

Притом же: ведь все же медики, предающиеся алкоголизму, — явление редкое. Вопрос стоял, в первоначальной дискуссии, не о них, а о рабочих и крестьянах. И переводить беседу на служителей Эскулапа представляется собою, в данном случае, некоторую увертку; или, по меньшей мере, непоследовательность.

Непосредственное же мое чувство учит меня одному: любить свой народ и сочувствовать его страданиям; и всегда быть с ним против сатанинской власти, никогда с нею против него! Неприложимость же западных критериев о лояльности к государству или честности к работодателю к советским условиям для меня столь очевидна (и с детства всегда была), что мне просто в голову не лезет чтобы ее нужно было кому-то доказывать, а уж особенно, — умному, культурному и антикоммунистически настроенному человеку, каковым я считаю Людмилу Келер!

ВЛАДИМИР РУДИНСКИЙ

Политический Калейдоскоп

Согласно сообщениям международных агентств печати, СССР конструирует в настоящее время новый тип ракеты дальнего действия, оснащенный десятью ядерными боеголовками. Эта ракета, под названием SS-18, употребляет вместо жидкого — твердое горючее, и превосходит все другие как советские, так и североамериканские ракеты.

После того как США решили установить в Западной Европе 527 ракет средней дальности, Вашингтон сообщил, что СССР развивает новые системы для обороны и нападения, чтобы сохранить тактический перевес.

Кроме SS-18, в СССР находятся в процессе конструкции также и другие типы ракет, как, например, AS-X-15 и BL-10, для запуска из воздуха, и SS-NX-21 для запуска с надводных и с подводных военных судов.

После имевших место в прошлом году дискуссий в печати о ракетах средней дальности, находящихся в распоряжении СССР в Европе, стало известно, что военные круги НАТО очень обеспокоены обнаруженными ошибками в учете западными разведками количества этих ракет. Оказывается, что в течение многих лет западная разведка предполагала, на основании богатого фотографического материала, добываемого при помощи спутников, что при каждой установке для запуска находилась одна ракета. Теперь же выяснилось, что кроме этой ракеты, при каждой установке, находятся еще по крайней мере две запасные ракеты, хорошо замаскированные. Существуют предположения, что намечено увеличить количество ракет при каждой установке до пяти.

На прошлой неделе, президент США Рональд Рейган обвинил СССР в стремлении к "ядерному шантажу". Рейган оказывает давление на конгресс США, для того чтобы добиться поддержки для конструкции новой ракеты MX.

После недавней поездки Папы Иоанна Павла Второго на Дальний Восток, некоторые наблюдатели ватиканских дел, обращают внимание на заявление Папы, что его возможная поездка в СССР "зависит от Провидения". Также отмечается несомненное желание Папы посетить Красный Китай. Но хорошо осведомленные ватиканские круги подчеркивают, что пока что в этом отношении ничего конкретного нет. Интересно, что в этих же кругах можно было слышать мнение, высказанное несмотря на отсутствие официальных данных в этом отношении, что около 80 % населения СССР принадлежит к Православной Церкви. Затем идут мусульмане, протестанты, католики и евреи — в этом порядке.

Несмотря на то, что ватиканские круги вообще поддерживают кругосветные поездки Папы, все же раздаются и критические голоса, особенно, что касается некоторых "излишеств" в этих поездках, как, например, посыпка Папы серым порошком в Папуе, как это делается с местными шаманами, или участие в публичной молитве в Меланезии одной молодой женщины с оголенной — по местному обычаю — грудью.

П. Н.

22-го мая с. г., в день перенесения мощей Святителя Николая, в седьмую годовщину со дня смерти митрофорного протоиерея

ФЕДОРА ФОРМАНЧУКА

после Божественной Литургии в Св. Троицком Храме, Бразиль 315, будет отслужена панихида

ГАМИД САДЫКБАЕВ

УПУСКАЕМЫЙ ШАНС

Снова я расхожусь во мнениях с В. Штрэмлером; на сей раз по вопросу об Афганистане. По моему, так В. Пирожкова вполне права; ее можно бы упрекнуть только в том, что она не идет достаточно далеко.

Афганистан есть для нас, правого лагеря Зарубежья, вне зависимости от времени выезда, ошибка и грех, — увы, которые уже по счету?! Почему мы такое дело отдали на откуп солидаристам?

Почему же не действуем мы? Люди у нас нет? Да я бы первый туда поехал, имея возможности! Не умеем собрать денег, боимся хлопот о визах? Но пробовали ли мы? При столь важном случае никаких бы ведь и усилий не жалко!

Но, даже не присутствуя на арене событий, мы ведь можем связаться с афганскими представителями в Европе и в Америке, которые имеются, которые известны и всем доступны.

Наш священный долг к ним обратиться и предложить им программу действий, единственно спасительную и реально перспективную для них и для нас. А в чем она?

Нужно немедленно приступить к приготовлению пропусков, какие с успехом пускали в ход еще немцы во Вторую мировую, где бы перебежчикам, их предъявляющим, гарантировали: 1) сохранение жизни; 2) невыдача ни при каких условиях Советам; 3) свобода веры и 4) возможность вступления в афганские войска с предоставлением равенства во всем с участниками партизанского движения.

Далее, нужно не откладывая начать формирование русских частей на афганской службе; с тем, чтобы они перерастали постепенно в новую Русскую Освободительную Армию. Не беда, если на первых порах наберется всего несколько десятков человек. Они уже будут, самым своим существованием, играть огромную роль; одно их появление уже вызовет ужас в сердцах кремлевских деспотов! Сегодня 10 бойцов, завтра 100, а послезавтра — многие тысячи.

Терять афганцам нечего. С Советами у них и так идет война на смерть; те сильнее, и если не найти новых путей борьбы, те неизбежно и победят. Помощь западных союзников? Но эти последние не имеют оснований вмешиваться во внутренние решения афганских вождей; и если они сами себя разоблачат как сообщники большевиков, — лучше сразу же распознать их сущность, чтобы на них впредь зря не надеяться.

Русская же Освободительная Ар-

мия, создайся она хотя бы лишь в зачатке и, особенно, будь в нее открыт доступ эмиграции, оказалась бы выигрышной картой, которая разом бы себя оправдала.

Бежать в неизвестное, Бог весть зачем, с перспективой, — в самом лучшем случае! — очутиться в лагере военнопленных в Швейцарии под советским контролем, мало соблазнительно.

Иное вовсе дело перейти на сторону антибольшевизмского движения, дабы с оружием в руках сражаться за свободу России под национальным нашим знаменем. Когда бы оно поднялось над рядами, под него бы стали стекаться добровольцы со всех концов земли, — и из СССР в первую очередь. Как такли волны верных царю и Богу людей через красные владения на белый Дон, в российскую Вандею.

Но это должно быть знамя России, и части армии должны строиться так, чтобы в них и мусульмане, и христиане, и буддисты были равны и свободны.

А уж тогда, — лучше случая нам не найти!

Запад всегда поддержку России увязывал с мечтами об ее покорении или колонизации и со внутренним к ней непроборимым презрением. Небольшой и малолюдный Афганистан о захвате России грезить не в состоянии (а от расчетов на ее расчленение должен тогда отказаться). С Востоком у Руси всегда больше близости и взаимопонимания было, чем с надменной Европой и варварски наивной Америкой.

Пусть Афганистан поможет нам в нашем деле! Он тем самым спасет себя от поражения и обеспечит себе свободу. В грядущем же Россия ему этой услуги не забудет и сторицею его вознаградит и отблагодарит; более того, он навеки получит право на нашу дружбу и поддержку.

Бросим на это поле все наши силы! Если мы найдем в среде афганцев мыслящих людей, людей с сердцем и мужеством, — ослепительные горизонты развернутся перед нами и нашей родиной. Если мы не найдем у них никакого отклика, и все наши попытки разобьются об их равнодушие и предрассудки, — по крайней мере наша совесть будет чиста, наш долг исполнен. Но не оставим необыкновенную и прекрасную возможность миновать перед лицом нашего безразличия; Судьба стучится в нашу дверь, — и ее зов должен быть нами услышан!

ГАМИД САДЫКБАЕВ

БИБЛИОГРАФИЯ

Мария Шнеерсон "Александр Солженицын — очерки творчества". Издательство "Посев", Франкфурт, 1984.

Солженицыноведение прочно вошло в русскую зарубежную литературу. О нашем великом современнике писали обширные работы видные литераторы зарубежья: Р. Гуль, Р. Плетнев, Л. Ржевский, А. Седых, Г. Струве, покойный прот. А. Шмеман и многие другие. Но на замечательного писателя посыпалась и критика графоманов, завистников, недоброжелателей, как в Советском Союзе, так и, увы, в Зарубежье. Какие только ничтожности не нападали на него! Помнятся имена Михайло Михайлова, Бориса Шрагина, Вадима Белоцерковского, Кронида Любарского... Поэтому было отрадно вновь взять в руки книгу, которая беспристрастно разбирает творчество Александра Исаевича.

Мария Шнеерсон любит Солженицына, хорошо знает его произведения и кропотливо поработала над своей прекрасной книгой.

В первой ее главе она пишет: "Слава писателя вспыхнула мгновенно и распространилась с быстротой пожара. Прочитав "Один день Ивана Денисовича", Анна Ахматова сказала Солженицыну: "Знаете ли вы, что через месяц вы будете самым знаменитым человеком на земном шаре?" 1)

Мудрое предсказание Анны Ахматовой сбылось. Солженицына знает весь мир. В Западной Германии, например, где писателя очень почитают, любой немец знает о нашем Нобелевском лауреате... но, может быть, не знает канцлера своей собственной страны.

Шнеерсон пишет: "В мае 1975 года Солженицын посетил Аляску. Он не ожидал, что и здесь, как в Европе, как в больших городах Америки, прохожие будут узнавать и приветствовать его. "Можно только поражаться, — говорил он, — каким путем и имя и книги русского писателя дошли даже до "краев земли". Среди приветствовавших его были местные православные индейцы. Они дали Солженицыну имя — *Садуахч*, что в переводе значит: "Тот, которого слушают". Так начинались для Солженицына первые годы пребывания на чужбине".

Эта книга, изучающая художественные ценности созданные Солженицыным, состоит из девяти глав. Первая из них носит мемуарный характер, автор вспоминает факты известные ему еще в Советском Союзе. Мария Шнеерсон написал в письме знакомый в 1963 году: "Вы, конечно, уже прочитали новые рассказы Солженицына. Не знаю, с кем сравнивать удивительный талант этого человека. Что-то и от Толстого, даже от Лескова, а по способности бить без промаха в душу читателя — и от Достоевского. Но он вряд ли уже нуждается в срав-

нениях, он — сам по себе. У него есть главное для настоящего писателя: умение в малом видеть большое".

Две следующие главы касаются общих вопросов творчества писателя. Академик Сахаров, не соглашаясь с программой изложенной в "Письме вождям", тем не менее, пишет: "Солженицын, несмотря на то, что некоторые черты его мирозерцания представляются мне ошибочными, является гигантом борьбы за человеческое достоинство в современном трагическом мире". 2)

Шнеерсон вспоминает самиздатовские стихи, написанные по поводу исключения Солженицына из Союза Советских Писателей:

Писатели, писатели,
Партийных пят чесатели!

А вы подумали хоть раз:
Он в свой союз бы принял вас?
В Союз простого, честного,
В Союз Толстого, Чехова?!

Писатели, писатели,
Под дуб голов тесатели!

Вот как — согласно автору — и по сей день думают о великом писателе в России: "Когда Россия лишилась Солженицына, создалось ощущение какой-то пустоты. Но мы продолжали жить жадно ловя каждое слово писателя, теперь уже раздававшееся *оттуда*".

В наш бурный век самым большим чудом оказалось появление Солженицына, который уже сейчас является классиком российской литературы. А наряду с великолепными художественными произведениями, его публицистические выступления, отличающиеся бескомпромиссной остротой и зоркой наблюдательностью, могут быть программным путеводителем для русской эмиграции.

Последние шесть глав книги о Солженицыне, строятся на примерах из его произведений, ясно раскрывающих главные особенности мастерства художника.

Не стану разбирать все великие произведения нашего соотечественника, но хочу обязательно отметить, что они знаменуют одно: мы живем в эпоху возрождения русской словесности, русской истинной литературы!

В конце книги дан *хронограф* творческого пути Солженицына, начинающийся с 30-х годов.

Мария Шнеерсон много времени уделила исследованию массы журналов, книг и газет, касавшихся литературной деятельности непревзойденного мастера пера.

Книга "Александр Солженицын" обрадовала нас. Надо обязательно порекомендовать каждому ее прочесть!

Валентин Зарубин

1) Лидия Чуковская. "Записки об Анне Ахматовой" (Париж, ИМКА-ПРЕСС, 1980, том 2, стр. 450).

2) Эта цитата Сахарова взята автором из "Нового Русского Слова" от 23 апреля 1974.

ЗАВЕТЫ ПРЕДКОВ

За нас Господь! Он Русью правит.

Он с неба жезл Царю пошлет;

Царь по волнам жезлом ударит —

И рати дадутся вперед.

НИКИТИН

Зарубежная Жизнь

ПРАЗДНИК В БУЗНОСАЙРЕССКОМ КАФЕДРАЛЬНОМ СОБОРЕ

В Фомино воскресенье, в бузносайресском Воскресенском Кафедральном Соборе была отслужена Его Преосвященством Епископом Иннокентием Асунсионским и Аргентино-Парагвайским торжественная архиерейская литургия, с участием всего епархиального духовенства, по случаю приходского праздника этого храма. После литургии был отслужен молебен, с поминовением прежде усопших архипастырей и пастырей. Затем, многочисленные богомольцы были приглашены настоятелем о. Владимиром Скалоном на пасхальную трапезу в архиерейском подворье.

И смех и грех...

Выступление Брежнева на траурном заседании, посвященном памяти Суслова:

— Надо хорошо наградить товарища Пельше: это самый галантный мужчина в Политбюро. Когда на похоронах Суслова заиграла музыка, только он встал и пригласил вдову танцевать!

ТРИБУНА ЧИТАТЕЛЯ

В ОТКРЫТЫЕ ДВЕРИ

"Безответственные призывы"... Под таким заголовком я прочел в "Нашей Стране" № 1762 статью В. Штремлера и удивился тому, что он выступил с критикой статьи В. Пирожковой "Проблема военнопленных в Афганистане" ("Голос Зарубежья" № 32). Создается впечатление, что Штремлер статью Пирожковой читал невнимательно и потому ломится в открытую дверь. Я бы был со статьей вполне солидарен, если бы Пирожкова действительно призывала советских солдат сдаваться афганцам. Но этого как раз и нет. Ее слова: "Но, с другой стороны, положение пленных и даже перебежчиков настолько неопределенно и опасно, что призывать их к переходу к повстанцам было бы безответственно. Да, призывать их к дезертирству — безответственно". Ясно и определенно.

То, что она рисует положение перебежчиков в менее мрачном свете, чем Штремлер, может быть предметом спора, но для решения его у нас слишком мало достоверных сведений.

Интересно, где сын гипотетической матери мог бы прочесть "обращение" и какое?

Валентин Яр (Германия)

ШИВОРОТ НАВЫВОРОТ

Виктор Штремлер, автор мне до сих пор неизвестный, обвиняет меня в статье "Безответственные призывы", ("Наша Страна" № 1762) в том, что я призываю солдат советской армии перебежать к афганским повстанцам. Между тем в моей статье "Проблема военнопленных в Афганистане" в № 32 "Голоса Зарубежья" на стр. 15-16 написано: "Но с другой стороны положение пленных и даже перебежчиков настолько неопределенно и опасно, что призывать их к переходу к повстанцам было бы безответственно".

Как мог г-н Штремлер, несмотря на это совершенно ясное высказывание с моей стороны, приписать мне совершенно обратное, т. е. перевернуть мое ясное высказывание шиворот навыворот, уму непостижимо. Разве что г-н Штремлер, судя по фамилии человек не русский, не сумел правильно понять русский текст.

Вера Пирожкова (Германия)

К ИСТОРИИ ГАЗЕТЫ

Когда И. Л. Солоневич после войны приехал в Аргентину, я был председателем "Русского Очага" и "Русского Национального Комитета", в который входили председатели всех русских организаций. Вместе с Бутковым, бывшим в Болгарии одним из активных помощников Солоневича, мы поехали в порт и там его встретили в Эмигрантском Доме. Еще до войны группа его единомышленников в Аргентине

выписывала из Болгарии несколько десятков экземпляров "Голоса России" и распространяла их. В 1948 году мною был составлен список единомышленников И. Солоневича в 60 человек. Они ежемесячно вносили свою лепту для поддержки "Нашей Страны", как стала называться газета Ивана Лукьяновича в Аргентине. Когда позднее мною было нанято помещение на улице Карлос Кальво ("Дом Русских Бельх") я организовал в нем вечер в пользу "Нашей Страны", на котором познакомил И. Л. Солоневича и В. К. Дубровского с состоятельным русским коммерсантом В. Г., вручившим Ивану Лукьяновичу чек в 1000 песо, как дар для издательства и пообещавшим дать беспроцентную ссуду для издательства "Белой Империи" — еще 3000 песо. Там же один из "Штабс-капитанов", как тогда назывались члены Народно-Монархического Движения, передал И. Л. чек на 500 песо.

Сговорившись заранее, я на Рождество заехал за Дубровскими и мы на моем автомобиле поехали в Дель Висо (50 километров от Буэнос Айреса), где тогда жил со своей семьей И. Солоневич. Там мы трое — И. Солоневич, Дубровский и я уединились в беседке для переговоров. После трехчасовой беседы, И. Л. пришел к необходимости легализировать Народно-Монархическое Движение и составить краткую его программу. "Вот решили разумные американцы ознакомиться с идеями народной монархии и потребовали программу на бочку, а на бочку нечего положить! Не станут же американцы изучать все мои статьи. Им дай краткую программу, какую можно изучить в один-два часа", — говорил он.

Через несколько недель И. Солоневич был выслан из Аргентины и вскоре умер в Уругвае во время операции, оставив незаконченную работу. Эту работу пришлось проделать мне. Имея на руках все номера "Н. С.", я занялся изучением программных статей И. Солоневича и, систематизируя их, составил программу из 21 параграфа на 9-ти страницах, на что ушло несколько месяцев. Ознакомившись с программой, В. К. Дубровский дал мне "карт бланш" для составления комиссии для ее окончательной шлифовки. Этой комиссией стало Правление "Русского Исторического Общества", когда мне удалось его легализовать. Экземпляр программы я представил в Политический Отдел аргентинской полиции, ведающей иностранными организациями. Мне пришлось прочитать в Политической Полиции лекцию о Боярской Думе, о Земских Соборах и о Вече. После двухчасового собеседования удалось так легализовать Народно-Монархическое Движение, как "Русское Историческое общество для изучения и популяризации идей Народной Монархии". Это был необходимый камуфляж, так как иностранные политические организации в Аргентине были запрещены. Состав Правления был: председатель — пишущий эти строки, вице-председатель — капитан Б. Н. Ряснянский, секре-

После продолжительной и тяжелой болезни 3-го мая 1984 года скончался в Аргентине

НИКОЛАЙ ПЕТРОВИЧ МАХРОВ

о чем сообщает жена Елизавета с дочерьми и зятьями, похоронен на немецком кладбище в Лос-Полворинес

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ХРОНИКА

"МЕРЗКАЯ ВОЙНА"

Нам пишут из Мюнхена:

Известный поэт и исполнитель собственных песен Булат Окуджава дал интервью венгерской литературной газете "Элет эш иродалом", в которой дал отрицательную оценку, восхваляемой на все лады советскими властями, так называемой "Великой Отечественной войне".

В одном месте беседы, пытаясь вступить в полемику с московским бардом, венгерский журналист сказал: "Я думаю, что для советских людей вашего поколения интернационализм более само собой разумеющееся понятие, чем для тех, кто помоложе. Ведь ваше поколение выковано Великой Отечественной войной".

Это замечание вызвало неожиданно бурный протест Окуджавы "Не надо идеализировать мое поколение! У него есть свои достоинства и немало пороков. Что же касается того, что нас сформировала, выковала Великая Отечественная война, это просто легенда. И вообще: не было никакой Великой Войны. Была просто война. Великим может быть народ и его дела. Но не война. Не бойня. Это была не Великая, а

тарь — Михаил Баумгартен, члены — Алмазов, Абрамов и Прохоров. Полковник Эрдели также неизменно участвовал в заседаниях Комиссии с правом решающего голоса.

При президенте Пероне было обязательным хотя одну статью печатать на испанском языке, иначе газету могли закрыть! Каждую неделю Татьяна Владимировна приезжала ко мне со статьей на русском языке, моя дочь переводила ее на испанский, и только тогда она печаталась в "Н. С.". Татьяна Владимировна, будучи секретаршей "Н. С." с самого ее основания, имела большой опыт и могла сама распределить имеющийся материал и выпустить очередной номер, то есть была метранпажем точнее техническим директором. Часто посещая ее после смерти Всеволода Константиновича я, помимо ее подруги Маши Павловой, часто встречал у нее двух молодых людей, помогавших ей. Один из них был А. Казанцев, солидарист, автор книги "Третья сила". И. Рыбкин в № 1755 "Нашей Страны" разносит его за восхваление учредилки.

П. П. Крачковский (США)

От редакции: Автор книги "Третья сила" Александр Казанцев всего несколько однофамилец члена редакционной коллегии "Нашей Страны" — Николай Казанцева.

Ужасная Война. Она опустошила наши души, сделала нас жестокими. Нам пришлось стать взрослыми раньше времени, нам пришлось пройти через эти страшные испытания. Это на предмет гордости, это не заслуга".

Поэт подчеркнул, что несмотря на свое грузинское происхождение, считает своим родным языком — русский, а себя русским писателем. "Жизнь моя была грустной, — заметил он. — До того как начать писать, я многое испытал. Собственно, писать прозу по настоящему я начал в 35 лет. А до этого было тяжелое детство, трудная юность, война. Моих родителей арестовали, как врагов народа, отца расстреляли. Я начал свою сознательную жизнь как подозрительный элемент. Во времена Сталина мне пришлось очень нелегко. Все это, разумеется, наложило печать на мое творчество. И никакой позднейший успех этого изменить не мог".

ПОСЫЛКИ В СССР

Нам пишут из Мюнхена:

"Кестон Ньюз Сервис" сообщает, что по полученным из СССР сведениям, власти там сделали чреватое последствиями дополнение к 70 параграфу уголовного кодекса, стоящее под заголовком "антисоветская агитация и пропаганда". По этому закону судилось большинство оппозиционеров режиму. Прежде этот параграф состоял из двух частей. В первой говорилось о лишении свободы сроком от 6 месяцев и до 7 лет, с возможным дополнением и ссылки от 2-х до 5-ти лет.

Повторное осуждение по тому же пункту подвергало заключенного увеличенному сроку (от 3-х до 10-ти лет), с возможностью дополнительной ссылки от двух до пяти лет. Теперь же, советская газета "Ведомости Верховного Суда" сообщает, что к этому закону сделано существенное дополнение: "действия, совершенные с помощью денег или других материальных средств, полученных от иностранных организаций или лиц, действующих в интересах этих организаций". Осуждение по этому закону легко может подвергнуть теперь очередную жертву советского режима заключению до 10 лет, а затем и пятилетней ссылке. Закон вошел в силу 1 февраля текущего года. Это значит, также, что любая посылка, полученная под советским гражданином, находящимся под особо бдительным наблюдением КГБ, может подвергнуться его санкциям нового закона.

Семья о. Глеба Якунина состояла в списке лиц, которым не разрешается получать из за границы посылки, отправляемые через специальные интернациональные агентства. Теперь, любая помощь, оказанная этой несчастной семье, может вызвать и полное ее уничтожение.

"НАША СТРАНА". Русская монархическая еженедельная газета. Основана 18 сентября 1948 И. Л. Солоневичем. Германия - 1,80 н. м.; Франция - 5 фр.; Италия - 1100 лир; США - 0,80 ам. дол.; Аргентина - 8 песо. В остальных странах - 0,80 ам. дол. Цена объявлений: за 1 см. в 1 колонку - стоимость 3 экземпляров газеты в соответствующей валюте. Чеки и "мoneй ордер" выписывать на имя Miguel Kireeff с местом уплаты в США или Европе.

"NASHA STRANA" — "NUESTRO PAIS". Semanario monarquico ruso. Fundado el 18 de septiembre de 1948. Registro Nacional de Propiedad Intelectual No.: 949.917. Editor: M. Kireeff, Monroe 3578 — 11, 1430 Buenos Aires

Correo ARGENTINO Sucursal 30 (B) Franqueo pagado. Conces.No. 4233 Interes general. Conces.No. 3980